

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

УДК 81'25
ББК 81.001.1

ТЕКСТ АВТОРСКОГО ПУТЕВОДИТЕЛЯ: «СИСТЕМА ПАРОЛЕЙ» К ИНОКУЛЬТУРНОМУ ПРОСТРАНСТВУ

В.А. Митягина

В статье представлен лингвокультурологический анализ текста авторского путеводителя как современного жанра «литературы путешествий». Функционирующие в нем прецедентные феномены, предлагаемые правила формальной коммуникации и интерпретируемые базовые лингвокультурные концепты рассматриваются в качестве «системы паролей» для входа в инокультурное пространство.

Ключевые слова: *прецедентное имя, лингвокультура, дискурс, социокультурное пространство, коммуникативное поведение, концепт.*

Стремление к определению этнокультурной идентичности как настойчивое желание познать другого для лучшего понимания себя характеризует европейскую традицию «литературы путешествий» (термин Д.С. Лихачева). Картина иного мира, зафиксированная в записках путешественников, журналистов, дипломатов, воспоминаниях соотечественников, долгое время живших в какой-либо «загранице», всегда привлекает читателя: в дискурсе об иной стране «другость» чужих культурных форм представлена наиболее выпукло, потому что взгляд наблюдателя, далекого от этнографического, этнологического, политологического и другого специального анализа, запрограммирован на описание всего «ино-

образно» оформленного и по-иному осуществляемого.

Исследование литературы путешествий как материала-основы «этнических представлений» долгое время было прерогативой исторической науки, которая во многом благодаря именно таким источникам разработала культурно-антропологическую парадигму и провозгласила переход «от истории идей к истории ценностных ориентаций» [7].

Лингвистический анализ данного дискурса создал новый ракурс понимания закономерностей формирования картины иноязычного и инокультурного мира в проекции на свою собственную модель. Полноту языковедческого ракурса обеспечило многообразие подходов: так, например, диахронический жанрово-стилистический и лексический анализ записок русских путешественников, предложенный М.Г. Шадриной, позволил определить факто-

ры формирования и развития жанра «путешествий» в знаменательном для данного феномена XVIII в. [12], а инструментарий когнитивной лингвистики предоставил возможность контрастного описания базового в рамках данного дискурса концепта «путешествие» (см., например: [11]).

Представляется логичным и актуальным дополнить изучение литературы путешествий анализом дискурса, формируемого текстами путеводителей, которые предлагаются отдельными авторами в качестве подчеркнуто субъективного, ставшего очень популярным, способа представления «иног» мира новейшего времени. Данная реализация жанра «путеводитель» в современной литературе путешествий может быть обозначена как «авторский путеводитель». Следует отметить, что безусловное доминирование различных Интернет-жанров (сайты турагентств, гостиниц, блоги и форумы) в дискурсе современных путешественников не умаляет роли путеводителей в создании целостного образа иной страны. Некоторые пристрастные исследователи такой литературы относят их к другим жанрам: так, Х. Риндинсбахер подчеркивает, что «все написанные до сих пор произведения Каминера принадлежат двум жанрам литературы, которые являются сейчас наиболее популярными, – (авто)биография и “дорожная история” – и которые через фигуру рассказчика всегда вводят читателя в искушение продлить тексты в жизнь и в географию, то есть в действительность» [8].

Данная точка зрения представляется достаточно спорной, потому что в произведениях Владимира Каминера, которые, как показывает личный достаточно большой опыт межкультурной коммуникации, стали в течение первого десятилетия нового века самыми популярными книгами о Германии и немцах, задали новую, доверительную тональность общения автора и читателя. Какие текстовые характеристики обеспечили этот успех?

Классический, традиционный путеводитель-гид – это тематически структурированный информационный гипертекст, он содержит обязательные для данного жанра энциклопедические тексты, фото, довольно часто в ка-

честве иллюстраций используются фрагменты художественных произведений, в которых речь идет о представляемой достопримечательности. Такие путеводители издаются на родном для читателя языке, в большинстве случаев являясь переводом глобальной оригинальной версии.

Современный авторский путеводитель написан на языке страны – цели путешествия, он задуман как заметки очевидца, впечатления и размышления которого интересны обеим сторонам – и принимающей, и совершающей тур. Популярность этих изданий определила концентрированная презентация страны с межкультурной точки зрения. Для этносоциума страны пребывания данный фокус представления является «взглядом со стороны», необходимым для верификации самооценки, а для потенциального гостя – точкой зрения осведомленного соотечественника. Безусловно, ориентированный на носителей языка текст авторского путеводителя предполагает наличие у читателя определенного уровня языковой, страноведческой, культурной компетенций, который становится своего рода логином для входа в инокультурное пространство, а системой паролей выступают средства создания «матрицы» – прецедентные феномены, правила формальной коммуникации и базовые лингвокультурные концепты.

В качестве материала исследования выступили языковые средства, эксплицирующие данные феномены, правила, концепты и функционирующие в текстах двух немецкоязычных путеводителей по Германии, которые в определенной степени обусловили и направленность актуального интеллектуального осмысления немецкого социокультурного пространства, и предмет дискуссии о степени субъективности, которую может позволить себе автор путеводителя как «проводник» по иной стране. Это книга Максима Горского из популярной серии «Инструкций по стране»: *M. Gorski «Gebrauchsanweisung für Deutschland»* (I) и одна из книг Владимира Каминера о Германии: *W. Kaminer «Ich bin kein Berliner. Ein Reiseführer für faule Touristen»* (II).

Данные тексты объединяет общий подход к определению роли прецедентных имен как «точки пересечения» лингвокультур, сред-

ству выражения тенденциозности автора. Феномен прецедентности стал одним из фокусных объектов лингвистических исследований рубежа тысячелетий. Основы для данного направления были заложены в ставших классическими работах Ю.Н. Караулова [3], Ю.А. Сорокина [10], В.Г. Костомарова [4], Д.Б. Гудкова [1; 2], В.В. Красных [5; 6] и др. Оригинальная развернутая схема описания прецедентных концептов-персоналий предложена Г.Г. Слышкиным [9]. Отметим, что данные имена исследуются в основном на материале художественного, медийного и энциклопедического дискурсов, тогда как привлечение путеводителей – текстов в жанре литературы путешествий – представляется интересным ракурсом верификации параметров данного явления.

Прецедентное имя представляет собой номинацию реальной, популярной личности, известной представителям одного или нескольких этнокультурных сообществ, и как сложное коммуникативное явление характеризуется стабильностью, базирующейся на его концептуальной природе. Способность к трансформациям, возможность метафорического использования, когнитивная инвариантность, информационная транс- и внепоколенность обеспечивают ключевую роль прецедентных имен в дискурсе, важной задачей которого является апелляция к интеллектуальным и эмоциональным «пересечениям», представляющим собой основу межкультурного коммуникативного пространства. Авторские путеводители, в отличие от других жанров литературы путешествий, широко используют данные лингвокультурные средства.

«Топ-лист» популярных прецедентных имен в рассматриваемых текстах возглавляют ведущие государственные и политические деятели. Безусловно, их присутствие в путеводителе логично: значительное количество достопримечательностей связано с их именами, ведь повествование об Александерплатц или замках Людвига Баварского будет неполным без соответствующего комментария. Однако у прецедентных имен этой группы есть и другие семантические функции.

Упоминание имен правителей в повествовании о Германии – это в ряде случаев вербализация традиционной составляющей пред-

ставляемого феномена с помощью стереотипа или устойчивого сравнения. Так, даже в описании обычая немцев загорать на газоне и устраивать пикники с грилем в парке используется имя Чингисхана. В данном контексте В. Каминер «выдает» свою русскоязычную и «русскокультурную» аксиологичность – массы отдыхающих в Тиргартене описываются как кочевники на привале: *Man hört die Menschenmassen schmatzen, glucksen, lachen und stöhnen, als hätten Dschingis Khans Horden auf ihrem Eroberungszug durch Europa kurz vor unseren Fenstern Halt gemacht, um sich ein paar leckere Pferde zum Abendessen zu braten* (II, S. 121–122).

Ассоциация с привычным, традиционным, обязательным выступает в путеводителе в качестве одной из ведущих «семантических нагрузок» прецедентного имени. Оно, безусловно, ожидаемо в рассказе о праздниках: утверждение М. Горского, что елка как рождественское дерево «*утвердилась во всем мире*» (*der Weihnachtsbaum hat sich weltweit durchgesetzt*) (здесь и далее перевод примеров с немецкого наш. – В. М.) во многом благодаря супругу британской королевы Виктории саксонскому принцу Альберту. В проекции на русскоязычного читателя данная прецедентная информация, безусловно, служит точкой пересечения культур, используемой для того, чтобы напомнить об аналогичных петровских нововведениях. В Букингемском дворце рождественская елка заменила языческие ветки омелы. Для принца Альберта было очень важно следовать этой традиции на своей новой родине, и он «*уболтал*» Вики (*er beschwatzte seine Vicky so lange*). *First family*, как верно отмечает автор, задавала моду, и «*христианская елка*» в мгновение ока завоевала весь мир (I, S. 154). Фамилярная номинация *Vicky* для великой, эпохальной королевы представляется в рассматриваемом контексте весьма уместной, потому что данная форма удачно подчеркивает семантику Рождества как семейного праздника.

В противоположность такому прагматическому наполнению задача имени *Фридриха Вильгельма III* – быть объектом критики, потому что его запрет карнавалов в Кёльне был «*контрреволюционным*» уже по замыслу

(*anormalische und in Deutschland nicht übliche Volkslustbarkeit*) (II, S. 171).

Своеобразна функционально-семантическая нагрузка у прецедентных имен периода тоталитаризма. Стремление предложить читателю новый ракурс повествования определяет, в частности, отсутствие ограничений скорости на автобанах как заслугу Гитлера, «*который любил не только овчарок, но и автомобили*» (*nicht nur Schäferhunde, sondern auch Automobile liebte*). Данное решение было одним из первых его решений в качестве канцлера Германии (I, S. 72–73). Имя М. Горбачева также используется в данном контексте: скорость его кортежа в Кремль сдерживалась, по мнению автора, не в последнюю очередь, и качеством дорог, уравнивающим всех участников движения: *die Frostschäden im Asphalt hatten selbst vor der Bonzenspur keinen Respekt* (I, S. 69). Безусловно, имя Горбачева, которое стало в Германии символом эпохи перемен, употреблено в данном контексте для «уравновешивания» демонического имени Гитлера, без упоминания которого информация о качестве автобанов в авторском путеводителе была бы неполной.

В таком же новом для текста путеводителя ключе В. Каминер отмечает, что в рассказах экскурсоводов достаточно распространенной является тема национал-социализма (*Nazis und andere Sehenswürdigkeiten*), которая для британской и американской аудитории реализуется в информации об улицах и домах, где жили сапожник Геббельса или парикмахер Геринга (II, с. 72). Владимир Каминер, указывая на такую трансформацию важной для России и Германии темы, подчеркивает для своих, в первую очередь российских, адресатов, что посещения достойны совсем другие, серьезные, социально значимые достопримечательности: *Ich empfehle dagegen einen Besuch des Dokumentationszentrums Topographie des Terrors zwischen der Niederkirchner- und der Wilhelmstraße sowie des jüdischen Museums in der Lindenstraße* (II, S. 72).

Следует отметить, что многие наблюдения, предлагаемые авторами путеводителей, претендуют либо на проявление их взгляда «издалека», либо на особый «транскультурный» юмор, в котором актуализируются стереотипы и автостереотипы. Так, в главе, посвящен-

ной немецкому порядку, М. Горский, ориентируясь на читателя-соотечественника, упоминает имя Ленина и иронично предполагает, что наша история была бы другой, если бы Ленин взял с собой в поезд в Петроград немецких большевиков, поскольку штурму королевского замка в революционном Берлине в 1918 г., как утверждают, помешала табличка, запрещающая ходить по газонам в королевском парке: *Sie hätten vermutlich Eintrittskarten für die Ermitage gelöst, anstatt sie zu erstürmen* (I, S. 101). Имя Сталина также функционирует в тексте путеводителя для усиления эффекта в описании немецкой обязательности: вождь забеспокоился по поводу отсутствия немецкой делегации на Съезде Коминтерна. Немецкие товарищи опаздывали, потому что не могли уехать с вокзала: *Schon seit Stunden, so monierten sie, warteten sie darauf, dass jemand ein Loch in ihre Fahrkarten stanzt (wie es sich gehört!), damit endlich das Bahnhofsgelände ordnungsgemäß verlassen und zu Väterchen Stalin in den Kreml weiterfahren könnten* (I, S. 86). Прецедентные имена, значимые для русского, в повествовании о важных для понимания немецкой культуры концептах выполняют роль интенсификатора – межкультурные связи обретают зримые черты, позволяющие приблизить к себе Иное.

Вероятно, желание отметить новую степень свободы в отношениях России и Германии определило несколько легкомысленное отношение, в частности М. Горского, к именам современных политических лидеров: в главе о немецкой кухне мы читаем о том, что М. Горбачев содействовал объединению Германии, потому что полюбил белые баварские сосиски, и именно по этой причине он частый гость в Мюнхене, что, правда, не возносит немецкую кухню на гастрономический Олимп: *Von Michail Sergejewitschs Begeisterung allein lässt sich nicht ableiten, daß die deutsche Küche zu den Fixsternen am globalen Gastronomenhimmel zählt* (I, S. 36).

Имена ведущих политиков фигурируют в текстах путеводителей достаточно часто для реализации своего рода объединяющей антитезы: Г. Коль и М. Горбачев договорились об объединении Германии в красивом кавказском местечке Архыз в июле 1990 г., но, к сожалению, праздник не попал на приятное для

отдыха время года, *es scheint das gemeinsame Schicksal von Deutschen und Russen zu sein, daß eischneidende Veränderungen, die Gedenktage nach sich ziehen, immer in die schlechte Jahreszeit fallen* (I, S. 150).

В некоторых контекстах антитезу образуют имена федеральных канцлеров: Г. Шрёдер знал, что его появление в телевизионном репортаже с футбольного матча и забитый им гол помогут поднять настроение в обществе и отвлечь его от застоя в экономике и безработицы. Использование такого приема представляется не совсем реальным для А. Меркель: *Sie hat die falschen Schuhe an. Aber auch sie wird am Fußball nicht vorbeikommen* (II, S. 93–94). События Чемпионата мира по футболу правоту этих слов В. Каминера подтвердили в полной мере, более того, патриотизм наконец-то перестал быть негативной ценностью для немецкого социума. Именно такие пассажи «выдают» адресованность авторских путеводителей в первую очередь самим немцам – по-хорошему пристрастный взгляд со стороны интересен и нужен всегда.

Путеводители, претендующие на удовлетворение интеллектуальных претензий немецкоязычных читателей, неизбежно апеллируют к именам великих немецких писателей и философов. В рассматриваемых авторских гидах по Германии имена Гете, Шиллера, братьев Гримм, Лютера функционируют, реализуя стереотипы и сопровождая вполне ожидаемые цитаты и характеристики. М. Горский подчеркивает, что гостю Германии будет проблематично осуществить мечту начать общение с ее жителями на языке Гете и Шиллера, потому что разочарование неизбежно – немцы вступают в контакт с иностранцем на упрощенном, редуцированном до карикатурного минимума в лексике и грамматике немецком языке: *Du Zentrum? Du sein ganz falsch. Du müssen fahren zurück, anders, retour. Dann, guck, du sehen Ampel? Licht rot, gelb, grün. Dort du fahren rechts, und immer geradeaus. Wenn du sehen viel, viel groß Haus, du sein Zentrum* (I, S. 23–24). Немцы всячески поддерживают свой этнокультурный стереотип о том, что иностранец или не знает немецкого, или знает его настолько плохо, что говорить с ним следует на том исковерканном языке, который используется для карикатурного изображения иностранца в анекдотах и плохих фильмах.

катурного изображения иностранца в анекдотах и плохих фильмах.

Нельзя не отметить, что имена немецких классиков, как и имена государственных деятелей, стали в определенной степени жертвами популизма: авторский путеводитель содержит указание на то, что для многих немцев имена Гете и Шиллера ассоциируются только со ставшими расхожими *Götz-Zitat* и *böse Nachbarn lauern überall* (I, S. 169, 116, 120). Данное утверждение М. Горского слишком категорично в своем обобщении, потому что подобное маркирование имен великих немцев представляется не вполне уместным в издании, которое интеллектуал адресует интеллектуалам. Если же задача автора состояла в желании продемонстрировать знание современного немецкого лингвосоциума, то несколько иная точка зрения автора статьи не позволяет с ним согласиться.

Не в меньшей степени популистскими являются в тексте авторского путеводителя многочисленные упоминания персонажей современной немецкой светской хроники: спортсменов, моделей, певцов, имена которых выступают иллюстративными аргументами в характеристике немецкого менталитета, что представляется достаточно спорным. Например, аргументы в пользу скупости и расчетливости немцев, которые реализуются в рассказе о перемене места жительства некоторыми знаменитостями как способе ухода от налогов, не могут быть приняты, потому что данное явление стало универсальным, внациональным. Семантика прецедентного имени в таких контекстах располагает нулевой, а во многих случаях – отрицательной функциональностью.

Таким образом, можно констатировать, что феномен прецедентности, реализуемый в тексте авторского путеводителя в именах германских и российских знаменитостей разных исторических периодов, не только маркирует общее с адресатом коммуникативное пространство, но служит повышению экспрессивности речи автора и экспликации его ценностных установок.

Авторские путеводители «вводят» читателей в инокультурное пространство и посредством ознакомления их с правилами коммуникативного поведения, прежде всего относи-

тельно канонов вежливости и формульного поведения.

Ты или *Вы*? Данный вопрос актуален для носителя русской лингвокультуры по нескольким причинам:

1) сложно принять правила коммуникации при отсутствии обращения по имени и отчеству;

2) сложно привыкнуть к дистанции, которую задает использование обращения *Herr/Frau*, поскольку *господин/госпожа* функционально не равны данному общепотребительному немецкому эквиваленту;

3) сложно осознать грань, с которой начинается достаточно нейтральное немецкое *du*, поскольку *ты* задает в русской лингвокультуре весьма короткую дистанцию и существенно меняет регистр коммуникации.

М. Горский предлагает свое понимание оппозиции *du/Sie*, вслед за карикатурным, но верным описанием общения немцев с незнакомым иностранцем, и объясняет использование *du*, как и Н. Элиас, галопирующей, всеохватывающей регрессией языковых форм для упрощения взаимопонимания между народами. Сами же немцы, в границах своего этнокультурного пространства, выбирая обращение по определению и «по умолчанию», трепетно относятся к корректному соблюдению данных форм: *Und untereinander achten die Deutschen penibel darauf, dass der Unterschied zwischen Du und Sie eingehalten wird* (I, S. 25).

Таким образом, можно говорить об изменении конвенций употребления *du/Sie* в немецкой лингвокультуре, и русские гости Германии, в большинстве случаев старшего поколения, с трудом переходят на *ihr* вместе с соответствующими глагольными формами, поскольку отечественные школьные и, в особенности, вузовские учебники немецкого языка много лет обучали нас главным образом вежливым формам обращения. Вежливость как лейтмотив общения в официальной обстановке несомненно, становится одним из первых социокультурных впечатлений приехавших в Германию русских, и здесь автор отказывается даже от упоминания уже ставших стереотипными характеристик немецкой вежливости, поскольку его потенциальная хорошо владеющая немецким языком аудитория зна-

кома с общеевропейскими параметрами вежливости в коммуникации.

Авторский путеводитель по Германии немислим без интерпретации базового для немецкой культуры концепта «*Ordnung*» («*порядок*»), потому что иностранцу могут простить многое или почти все, кроме нарушения того, что «положено выполнять».

Данный стереотипный концепт охотно интерпретируется, в первую очередь, самими немцами. Представление о болезненном стремлении немцев к порядку во всем, везде и всегда стало таким же общим местом в национальных стереотипах, как любвеобильность французов или шумная улыбчивость американцев. Немцев характеризуют три *P*: они «*penibel, pingelig, perfektionistisch*» (*недантичны, болезненно добросовестны и столь же болезненно стремятся к совершенству*) (I, S. 86). В главе путеводителя, посвященной порядку, пересказывается упомянутая выше прецедентная история о том, как немецкая делегация опаздывала на съезд Коминтерна, потому что ее члены не могли уйти с перрона Белорусского вокзала, не прокомпостировав, как положено на немецком вокзале, свои билеты.

Учитывая образованность потенциальной аудитории, М. Горский предполагает ее готовность отказаться от клише – ведь и русские далеки от образа рыкающих и всегда пьяных бурых медведей – и предостерегает от возможного неприятия данного стереотипа: немцев на самом деле характеризует особое отношение к порядку, дисциплине и перфекционизму: *...die Deutschen haben tatsächlich ein sehr enges Verhältnis zu Ordnung, Disziplin und Perfektion* (I, S. 87). Доказательством, с точки зрения автора, может стать уже первая прогулка по немецкому городу.

Жанр справочника определяет использование повелительного наклонения в вербализации рекомендаций (*Wählen Sie dafür nach Möglichkeit eine Abendstunde...*) и изъявительного наклонения в констатации обязательности полученных впечатлений (*Sie werden dann Zeuge eines Geschehnisses...*). Описание стоящего на «красный свет» человека при отсутствии машин, ждущего «зеленого» сигнала, призвано показать внутреннюю готовность немцев следовать правилам, которая

противопоставляется здоровому недоверию русских по отношению к любой власти и выполнению «неминуемых указов Кремля» (*unvermeidbare Kreml-Ukase*), только «стиснув зубы» (*zähneknirschend*). Немцы контролируют себя и окружающих и обязательно осуждающе покачают головой, если Вы примете решение пойти на «красный свет». М. Горский объясняет такое поведение тем, что немцы любят порядок, надежность, предсказуемость только потому, что в глубине души являются анархистами и боятся бесконтрольного проявления эмоций. Пережив периоды хаоса, смуты, разрухи, они научились ценить порядок и правильность как антиномию всему нарушающему этот порядок.

В книгах-«справочниках» концепт «порядок» совершенно закономерно связан в разных аспектах с концептом «практичность», данная черта немецкого менталитета проявляется в значимых социокоммуникативных контекстах. Следование правилам, *Paragraphenliebe* (любовь к параграфам) умело используют страховые компании и успешно продвигают на рынке услуг страховки финансовых рисков, сопряженных с возможными судебными процессами. Автор путеводителя использует классическую форму представления совета с использованием кондиционалиса: *Ihnen würde ich dennoch zum Abschluß einer solchen Versicherung raten, sofern Sie einen längeren Aufenthalt in Deutschland planen* (I, S. 119). М. Горский убежден, что его адресат не даст повода для тяжбы: *gewiß werden Sie nicht von sich aus die Gerichte bemühen*, но аргументом необходимости заключения такой страховки становятся слова Фридриха Шиллера, которые он рекомендует помнить: *Wie fromm Sie auch leben mögen, böse Nachbarn lauern überall* (Как бы благочестиво Вы ни жили, злые соседи не дремлют) (I, S. 120).

Безусловно, более выпукло «бывалость» авторов, их опыт, инокультурная компетенция проявляются в предложенной ими интерпретации немецкого понимания смешного. Автор «Инструкции по Германии» весьма категоричен в своей оценке немецкого юмора, подчеркивая, что написать о нем можно совсем немного, в отличие от русского юмора, «созревшего за столетия политического гнета».

М. Горский подчеркивает, что немцы много и громко смеются, и в описании этого процесса использует прежде всего анекдот – ответ портье довоенного немецкого отеля на просьбу иностранного писателя увести жеребцов подальше от окна его номера: *Verzeihen, das sind die beiden Herren Gutsbesitzer aus Mecklenburg. Sie lächeln* (I, S. 162). Ориентируясь на «русскокультурного» читателя, автор отмечает проявление у представителей немецкого этносоциума «способности сохранять хорошее настроение вопреки повседневным трудностям и неприятностям» и аргументирует свои рассуждения с помощью цитат из Канта (юмор как первобытное чувство: *Affekt aus der plötzlichen Verwandlung einer gespannten Erwartung in nichts*) и Гегеля (смех как результат контраста сущности и ее проявления: *Kontrastes des Wesentlichen mit der Erscheinung, des Zwecks mit dem Mittel*) (I, S. 166).

Апелляция к авторитетному мнению знаменитых немецких поэтов и философов представляется фокусом, демонстрирующим функционирование прецедентного имени в тексте авторского путеводителя как интегрального компонента коммуникативного пространства, которое он должен создавать, что максимально полно проявляется в интерпретации базовых этнокультурных концептов и коммуникативных действий. Таким образом, можно говорить о том, что комплекс данных феноменов лингвокультуры создает в тексте авторского путеводителя «систему паролей» для входа в заданное инокультурное пространство, и их изучение в предложенном контексте создает новые возможности осмысления закономерностей межкультурной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гудков, Д. Б. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний / Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. – 1997. – № 4. – С. 106–118.
2. Гудков, Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д. Б. Гудков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. – 152 с.
3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с.

4. Костомаров, В. Г. Как тексты становятся прецедентными / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвилова // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 1. – С. 73–76.

5. Красных, В. В. Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности (к вопросу о русской концептосфере) / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / ред.: В. В. Красных, А. И. Изотов. – Вып. 1. – М. : Филология, 1997. – С. 128–144.

6. Красных, В. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. – 1997. – № 3. – С. 62–75.

7. Ле Гофф, Ж. С небес на землю (перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII–XIII вв.) / Ж. Ле Гофф // Одиссей. Человек в истории. – М. : Наука, 1991. – С. 25–47.

8. Риндинсбахер, Х. Воображаемые и реальные путешествия Владимира Каминера [Электронный ресурс] / Х. Риндинсбахер. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/07/leo/>. – Загл. с экрана.

9. Слышкин, Г. Г. «Железные канцлеры» XIX века в историосфере современной русской лин-

гвокультуры / Г. Г. Слышкин // Vita in lingua : К юбилею проф. С. Г. Воркачевы : сб. ст. / отв. ред. В. И. Карасик. – Краснодар : Атриум, 2007. – С. 203–219.

10. Сорокин, Ю. А. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания / Ю. А. Сорокин, И. М. Михалева // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М. : ИЯ РАН, 1993. – С. 98–117.

11. Цзюань, Л. Концепт «путешествие» в китайской и русской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Лю Цзюань. – Волгоград : [Б. и.], 2004. – 193 с.

12. Шадрин, М. Г. Эволюция языка путешествий : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Марина Геннадьевна Шадрин. – М. : [Б. и.], 2003. – 396 с.

ИСТОЧНИКИ

I – Gorski, M. Gebrauchsanweisung für Deutschland / M. Gorski. – München ; Zürich : Piper Verlag, 2002. – 173 S.

II – Kaminer, W. Ich bin kein Berliner. Ein Reiseführer für faule Touristen / W. Kaminer. – München : Wilhelm Goldmann Verlag, 2007. – 251 S.

TEXT OF AUTHOR'S TRAVEL GUIDE: “SYSTEM OF PASSWORDS” TO FOREIGN CULTURE SPACE

V.A. Mityagina

The paper deals with the analysis of author's travel guide's text as a modern genre of “travel literature”. Its precedent phenomena, rules of formal communication considered and basic linguistic and cultural concepts interpreted are considered as a ‘system of passwords’ for entering the space of foreign culture.

Key words: *precedent noun, linguoculture, discourse, social and cultural space, communication behavior, concept.*